

Шатохина Ольга Алексеевна

ПОСТПЕЙЗАЖНЫЕ ОБРАЗЫ ПРИРОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И. В. КАШПУРОВА. ЧАСТОТНЫЙ СЛОВАРЬ

В статье рассматривается образ природы известного ставропольского поэта И. В. Кашпулова. Тема степного пейзажа богата и разнообразна в его лирике. В статье представлены одни из самых частотных лексем в поэтическом словаре пейзажей И. В. Кашпулова. Поэт вводил в свои стихи не только многократно апробированные в поэзии растения, обладающие неким поэтическим ореолом и благозвучностью наименования (ковыль, полынь, тимьян, шалфей, чернобыл, зверобой, кукушник), но и те, что мало в ней отражались, которые никакой поэтичностью не обладают вовсе (карган, репей, лопух, крапива). Выделим еще одну особенность лирики И. В. Кашпулова: наряду с литературными названиями различных растений поэт вводит в поэтический текст и диалектные наименования. Кашпуров не следует слепо установившимся литературным традициям: в его стихах наибольшей частотностью обладают именно те представители животного и растительного мира, которые на его родине встречаются чаще. Необходимо отметить и следующую особенность поэтики Кашпулова: каждое растение и животное имеет свое обличье, свой характер, собственную неповторимую "физиономию", что говорит о его любовном отношении к миру растений и животных, поэту дорого каждое проявление природы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 1. С. 45-47. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.7

В статье рассматривается образ природы известного ставропольского поэта И. В. Кашпулова. Тема степного пейзажа богата и разнообразна в его лирике. В статье представлены одни из самых частотных лексем в поэтическом словаре пейзажей И. В. Кашпулова. Поэт вводил в свои стихи не только многократно апробированные в поэзии растения, обладающие неким поэтическим ореолом и благозвучностью наименования (ковыль, полынь, тимьян, шалфей, чернобыл, зверобой, кукушник), но и те, что мало в ней отражались, которые никакой поэтичностью не обладают вовсе (карган, репей, лопух, крапива). Выделим еще одну особенность лирики И. В. Кашпулова: наряду с литературными названиями различных растений поэт вводит в поэтический текст и диалектные наименования. Кашпуров не следует слепо установившимся литературным традициям: в его стихах наибольшей частотностью обладают именно те представители животного и растительного мира, которые на его родине встречаются чаще. Необходимо отметить и следующую особенность поэтики Кашпулова: каждое растение и животное имеет свое обличье, свой характер, собственную неповторимую «физиономию», что говорит о его любовном отношении к миру растений и животных, поэту дорого каждое проявление природы.

Ключевые слова и фразы: пейзаж; природа; природный мир; творческая индивидуальность; поэтический образ; И. В. Кашпуров – пейзажист.

Шатохина Ольга Алексеевна, к. филол. н., доцент
Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт
olga_shatokhina@bk.ru

ПОСТПЕЙЗАЖНЫЕ ОБРАЗЫ ПРИРОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И. В. КАШПУРОВА. ЧАСТОТНЫЙ СЛОВАРЬ

Если рассматривать проявление творческой индивидуальности Кашпулова в тематическом плане, то можно выделить несколько основных блоков: степь и родное Ставрополье, историко-революционная и связанная с ней ленинская тема, тема Великой Отечественной войны, тема детства. Все они представлены настолько богато и разнообразно, что каждой из них можно посвятить отдельное исследование, но главной темой художественного мира Кашпулова стала малая родина – пейзаж степного Ставрополья, который в значительной степени представлен в постпейзажных образах. В этом плане рассмотрим растительный и животный мир в лирике Кашпулова.

В стихотворении «Осенняя баллада» поэт провозглашал: «Я с детских лет, что книгу, степь читаю, / до сотни букв-травинки назову» [22, с. 96]. И это не просто красивая декларация, а констатация неоспоримого факта: в стихах ставропольского поэта, посвященных природе, богато представлен растительный мир, в них удивляет «разнотравья кутерьма» [Там же, с. 5]. Достаточно заметить, что слово «трава» в словаре Кашпулова встречается 127 раз, «цветы» – 65. Но особенность ставропольского поэта заключается в том, что для него были недостаточны общие обозначения, он предпочитал конкретные названия: девясил, донник, иван-чай, камыш, кашка, клевер, лебеда, пырей, лен, чабрец. Нужно заметить, что поэт вводил в свои стихи не только многократно апробированные в поэзии растения, но и те, что мало в ней отражались, а возможно, и не были в ней представлены вовсе: зултурган, рогоз, курай, печерица, сквородник, спорыш, эспарцет. Отметим и то, что Кашпуров подбирает не только благозвучные, обладающие неким поэтическим ореолом наименования (ковыль, полынь, тимьян, шалфей, чернобыл, зверобой, кукушник), он обращается и к таким растениям, которые никакой поэтичностью не обладают: карган, репей, лопух, крапива. Всего в словаре Кашпулова встречаются наименования 38 трав, из них наибольшей частотностью обладают ковыль (23 раза) и полынь (16 раз).

Но луговые травы – это только часть кашпуровского растительного мира, свое место в нем занимают и цветы: астра, бессмертник, гвоздика, герань, горицвет, колокольчик, лютик, мак, пион, роза, ромашка, левкой, хризантема, – и среди них редкие в литературе – мальва, пролески – всего 16 наименований. Также в лирике Кашпулова присутствуют и бахчевые культуры (арбуз и дыня), овощи и огородные растения: укроп, подсолнух, лук, помидор, огурец, горох, кукуруза, – и самыми частотными среди них выступают менее поэтичные капуста (13 упоминаний) и картошка (21 упоминание). Хлебные злаки не столь разнообразны по своему составу, но тем не менее встречаются и они: просо, рожь, ячмень, овес, пшеница, – и чаще других последние два (по 17 и 21 раз соответственно). Флористическую картину Кашпулова дополняют и названия ягодных растений: брусника, ежевика, земляника, морошка, малина, – но особое место в ней занимают различные породы деревьев и кустарников. К стати сказать, само слово «дерево» (вариант: деревце) использовано поэтом 80 раз, а «куст», «кустарники» – 31. Но, как и в случае с травами, поэт предпочитает иметь дело с конкретными породами, и в его словаре выступают привычные для нас плодовые деревья: абрикос, алыча, вишня, груша, слива (вариант: чернослив), черешня, яблоня; из вечнозеленых встречаются только три породы: ель (елка), сосна, кедр; куда разнообразнее выглядят лиственные: акация, береза, бук, верба, вяз, дуб, ива, калина, каштан, клен, липа, ольха, осина, орешина, ракета, сирень, тополь, чинара, ясень. Среди последних выделим такие поэтические названия, как бересклет, осокорь, сербалина, тамариск. В ряду пород деревьев, использованных Кашпуровым, можно выделить и экзотические для Ставрополья наименования: карагач, кипарис, магнолия, миндаль, мимоза, олива, саксаул, пальма, персик. Всего же в произведениях Кашпулова нашло отражение 53 наименования деревьев и кустарников.

Из них наибольшей частотностью обладает тополь – 42 упоминания. Это кажется совершенно естественным, так как на юге он является одним из самых распространенных деревьев. Самая популярная в русской лирике «береза» в словаре Кашпунова встречается только 19 раз и по степени употребительности почти ничем не отличается от клена (17 упоминаний), сосны или вяза (по 16 упоминаний), а такое рядовое для Ставрополя дерево, как яблоня, использовано даже чаще – 23 раза. В это количество не входят упоминаемые поэтом яблоневого сорта: ранеты – 3 раза и антоновка – 2 раза. Отметим и тот факт, что многократно воспетая в русской фольклорной песне и авторской поэзии рябина ни разу в стихах Кашпунова не встречается.

Как видим, Кашпунов не следует слепо установившимся литературным традициям: в его стихах наибольшей частотностью обладают именно те деревья, которые на его родине встречаются чаще. Этот вывод подтверждается и наблюдениями над частотностью использования названий экзотических деревьев: они встречаются редко, по 2-3 раза (кипарис, лимон, магнолия, миндаль, саксаул, пальма, персик), а такие, как карагач, мимоза, тамариск, лох, крушина, – лишь по одному разу.

Выделим еще одну особенность: наряду с литературными названиями различных растений поэт вводит в поэтический текст и диалектные наименования: белолест – тополь серебристый, брица – амарант дикий, сербалина – шиповник, деревей – тысячелистник, курай – перекасти-поле, сковородник – пырей, спорыш – подорожник, бузлак – синий цветок без листьев, цветет весной и осенью (литературное наименование установить не удалось). Заметим, что ни амарант, ни шиповник, ни тысячелистник, ни перекасти-поле под собственными именами в поэзии Кашпунова не встречаются.

Необходимо отметить и следующую особенность поэтики Кашпунова – каждое растение имеет свое обличье, свой характер, собственную неповторимую «физиономию»: «цвет акаций – душистый снежок» [16, с. 115]; «черешни кипенью цвели» [4, с. 54]; «метелки проса – словно бьют ключи» [19, с. 31]; «кукуруза, как девчонка, / стоит, косички расплетя» [3, с. 302]; «зеленоствольные осины / весело прощаются с зимой» [5, с. 36]; «листья зонтики зеленые / не раскрыть каштан не мог» [Там же, с. 40]; «на сивых буграх, словно скрипки, / неистово выводят осенний мотив ковыли» [6, с. 73]; «дымятся росой помидоры, / и пахнет остро конопля» [7, с. 113]; «стояли липы, серьгами звеня» [21, с. 123]; «желтые гвоздики, / похожие на маленькие солнца» [18, с. 110]; «горичвет зажечь готов / фонарик свой необычайный» [2, с. 19]; «фромашки... / раскрыли белые ресницы, / чему-то, знать, удивлены» [13, с. 22]; «ветки белых абрикосов, / как руки белые Весны» [8, с. 274]; «над схваченной льдом рекой / ивам иной держать нелегко» [20, с. 131]; «на робко зеленеющих оливах / зелеными подвесками – плоды» [Там же, с. 133]; «стоят живыми обелисками / пять пирамидальных тополей» [17, с. 48]; «зултурганы / растут упрямо среди песков» [12, с. 67]; «в кокетливых белых беретах / печерицы заждались меня» [Там же, с. 89].

Во всем этом нельзя не заметить любовного отношения к миру растений, поэту дорога каждая былинка, каждое проявление природы. Особенно наглядно эта черта проявляет себя в соотношении любимой с образами деревьев: «ты мне вишенкой белой снилась», «ты заснеженной елью стыла» («Ты» [10, с. 64]).

Свое представительство в творчестве поэта нашла и фауна. И здесь на первый план выходят домашние животные: конь, корова, бык, овца, коза, свинья, собака, кошка. Но характерная особенность: многие из них помимо собственного названия выступают и под синонимичными наименованиями: наряду с «коровой» мы встречаем «буренку», наряду с «овцой» и «бараном» – «меринос» (название породы тонкорунных овец), наряду с «собакой» – «пес» и «волкодав». Особенно много близких по значению слов имеет «конь»: мерин, рысак, дончак, скакун, кобыла, лошадь. Характерно, что именно «конь» лидирует по частотности среди названных животных (45 упоминаний), а если прибавить к этому совокупное количество приведенных синонимов (26) и четырехкратное употребление наименования детеныша («жеребенок»), то мы получим 75 упоминаний. Для сравнения: «корова», «буренка», «бык» и «теленок», вместе взятые, насчитывают только 24 упоминания, «овца» – «баран» – «меринос» – 19, «собака» – «пес» – «волкодав» – 12.

На фоне домашних животных дикие звери представлены скромно: заяц – 10 раз (вариант: косой – 6), волк – 7, еж – 4, медведь – 3, лиса – 1. В этот ряд впишем и таких мелких зверюшек, как мышка и лягушка, упоминаемых по 2 раза. Очень редки и экзотические животные: сайгак – 3 раза, а жираф, кенгуру, носорог – лишь по одному разу.

В отличие от зверей и животных, пернатые в поэзии Кашпунова воспроизведены гораздо богаче – 39 различных наименований! Отметим, что само слово «птица» и близкие ему по значению «пичуги», «птахи», «птенцы», вместе взятые, составляют 75 упоминаний!

Отряд домашних птиц не столь велик: это гусь, петух (вариант: кочет), курица, индюк, утка. Немногочисленны и хищные: беркут, коршун, сокол, ястреб, орел. Наибольшее представительство в лирике Кашпунова нашли дикие птицы. Они начинаются воробьем и галкой и заканчиваются лебедем и журавлем, а между ними располагаются грач, голубь, горлянка, ворона, дрозд, дрофа, жаворонок, зяблик, иволга, коростель, кукушка, кулик, куропатка, ласточка, перепел, синица, скворец, снегирь, соловей, стриж. Отметим и тот факт, что Кашпунов вводит в литературный оборот названия птиц, мало встречающихся в поэтической практике: вальдшнеп, крыж, стрепет, – и, наоборот, исключительно редко обрабатывается к воспетым бесчисленное количество раз, ставшим своеобразными поэтическими символами – лебедю и соловью (3 и 1 раз соответственно).

Как ни покажется странным, больше всего упоминаний приходится на такое не столь поэтическое создание, как гусь (24), а, например, такие распространенные в поэзии образы орла и журавля у Кашпунова не столь часты – 14 и 11 соответственно. По числу упоминаний они не превосходят перепелов (14).

Как видим, и животный мир Ставрополя, особенно птицы, нашли свое достойное и многообразное воплощение в поэзии И. В. Кашпунова.

Относительно приведенных статистических данных необходимо сделать следующую оговорку: в расчетах учитывались только существительные, остались без внимания другие части речи, образованные от названий трав, деревьев, птиц, животных. А таковых в лирике Кашпулова встречается немало: «небо полно кликов журавлиных» («День весенний» [9, с. 267]), «молча слушал галочий галдеж» («После дождя» [15, с. 78]), «мне в городской квартире даже / перепелиный слышен бой» («Никто не знает» [10, с. 46]), «воля ястребиная» («Степь» [14, с. 198]), «плывет над соколиной далью / басовитый говор тракторов» («Трактористки» [7, с. 99]), «а слово под орлиный клекот / в глухой степи жило одно» («Кевсала» [2, с. 71]), «я тут зимою заячьими, лисьими / петляя следами» («Осенняя баллада» [11, с. 53]), «по садам корой вишневою / запахла ранняя весна» («Весенний триптих» [5, с. 58]), «в садах черешневых весна» («Золка» [Там же, с. 84]), «и ложится на сердце гнетом / воробьиная эта ночь» («Воробьиная ночь» [2, с. 39]), «нам чабрецовый запах поля / медово голосу кружит» («Кругом июнь» [16, с. 9]), «пойдем скорее в лес, пока гераневый / еще совсем не отгорел рассвет» («Осенний снег» [Там же, с. 75]), «горечью полынной дымится даль» («Стрижамент» [3, с. 57]), «там ковыльный курган» («Знаю, время придет» [Там же, с. 68]).

Заметим, что наряду со словами «ковыль» и «полынь», встречающимися 23 и 16 раз, в словаре Кашпулова присутствуют и прилагательные «ковыльный» и «полынный» (по 8 раз); слово «воробей» употреблено 5 раз, столько же использовано и «воробьиный», «сокол» встречается один раз, а «соколиный» – 5 и т.д. Таким образом, мы видим, что с учетом других частей речи, образованных от тех же наименований растений и животных, количественные показатели флоры и фауны в произведениях Кашпулова значительно увеличиваются.

В книге Л. Л. Бельской «Песенное слово», посвященной творчеству С. А. Есенина, говорится, что природный мир поэта «заселен множеством “жителей” – от лопуха и крапивы до тополя и дуба, от мыши и лягушки – до коровы и медведя, от воробья до орла» [1, с. 38]. Приведенный материал убеждает, что эти слова с полным правом можно отнести и к поэзии Кашпулова.

Список источников

1. Бельская Л. Л. Песенное слово: поэтическое мастерство Сергея Есенина: книга для учителя. М.: Высшая школа, 1990. 144 с.
2. Кашпуров И. В. Версты: стихи и поэмы. Ставрополь: Кн. изд-во, 1967. 143 с.
3. Кашпуров И. В. Высокий свет: стихи, поэмы. Ставрополь: Кн. изд-во, 1982. 384 с.
4. Кашпуров И. В. Даль полевая: стихи и поэмы. М.: Современник, 1980. 110 с.
5. Кашпуров И. В. Дарю степь: стихи и поэмы. М.: Сов. Россия, 1978. 191 с.
6. Кашпуров И. В. Дыхание степи: стихи. Ставрополь: Кн. изд-во, 1956. 78 с.
7. Кашпуров И. В. Живущим ныне: стихи, поэмы. Ставрополь: Кн. изд-во, 1987. 185 с.
8. Кашпуров И. В. Избранное: стихи. Ставрополь: Сервисшкола, 2003. 344 с.
9. Кашпуров И. В. Избранные стихи. Ставрополь: Кавказ. б-ка, 1996. 352 с.
10. Кашпуров И. В. Крылья: стихи, поэмы. Днепропетровск: Промінь, 1964. 80 с.
11. Кашпуров И. В. Мои позывные: стихи. Запорожье: Кн. изд-во, 1961. 92 с.
12. Кашпуров И. В. Над седьми курганами: стихи. Ставрополь: Кн. изд-во, 1958. 116 с.
13. Кашпуров И. В. Нас обольщают сто дорог: стихи. Ставрополь: Краев. тип., 2000. 48 с.
14. Кашпуров И. В. Не за морями чудо: избранные стихи и поэмы. Ставрополь: Кн. изд-во, 1973. 224 с.
15. Кашпуров И. В. Обновление: стихи. Днепропетровск: Промінь, 1968. 87 с.
16. Кашпуров И. В. Осенний снег: стихи. Ставрополь: Кн. изд-во, 1969. 136 с.
17. Кашпуров И. В. Острова тишины: стихи. М.: Воениздат, 1981. 95 с.
18. Кашпуров И. В. Певучие травы: стихи, поэмы. М.: Сов. Россия, 1972. 110 с.
19. Кашпуров И. В. Песня Калиновке: стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1985. 191 с.
20. Кашпуров И. В. Синий край России: стихи, поэмы, переводы. Ставрополь, 1979. 135 с.
21. Кашпуров И. В. Степные флейты: стихи и поэмы. Ставрополь: Кн. изд-во, 1976. 123 с.
22. Кашпуров И. В. Стихи. М.: Худ. лит., 1984. 279 с.

THE POST-LANDSCAPE IMAGES OF NATURE IN I. V. KASHPUROV'S CREATIVE WORK. FREQUENCY WORD LIST

Shatokhina Ol'ga Alekseevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute
olga_shatokhina@bk.ru

The article deals with the image of the nature of the famous Stavropol poet I. V. Kashpurov. The topic of the steppe landscape is rich and diverse in its lyrics. In the research some of the most frequent lexemes in the poetic vocabulary of landscapes by I. V. Kashpurov are presented. The poet introduced into his poems not only the plants repeatedly used in poetry, possessing a certain poetic aura and euphony of the name (feather grass, wormwood, thyme, sage, mugwort, St. John's wort, gymnadenia), but also those that are represented little in it and do not possess any poetry at all (salsola, burdock, dock, nettle). The author singles out one more feature of I. V. Kashpurov's lyrics: along with the literary names of various plants, the poet introduces dialect names into the poetic text. Kashpurov does not follow fixed literary traditions blindly: in his poems those representatives of the animal and plant world, which are found more often in his homeland can be seen more frequently. It is necessary to note the following peculiarity of Kashpurov's poetics: every plant and animal has its own appearance, its own character, its own unique "face" which shows his love for the world of plants and animals, and every manifestation of nature is important to the poet.

Key words and phrases: landscape; nature; world of nature; creative individuality; poetic image; I. V. Kashpurov – landscape painter.